

Проблемы этносоциологии

© 1995 г.

Р.А. ХАНАХУ, О.М. ЦВЕТКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

ХАНАХУ Руслан Асхадович — кандидат философских наук, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ). ЦВЕТКОВ Олег Михайлович - научный сотрудник того же отдела.

Отдел философии и социологии АРИГИ периодически диагностирует массовое сознание населения, выявляя общественное мнение по различным проблемам социально-политического и экономического развития. В ходе наших наблюдений замечено, в частности, что многие явления и факты минувшего века до сих пор будоражат умы людей, приковывают к себе пристальное внимание деятелей науки и культуры. Иными словами, духовная и общественно-политическая жизнь сегодняшней Адыгеи, как, впрочем, и других северо-кавказских республик, явным образом коррелирует с прошлым. Это обстоятельство побудило нас провести специальное социологическое исследование, посвященное одному из исторических событий, которое оставило особенно глубокий след в памяти народов. Речь идет о Кавказской войне 1817-64 гг. Приуроченный к 130-летию ее окончания, анкетный опрос состоялся в городах, поселках, станицах и аулах Майкопского, Гиагинского, Тахтамукайского и Теучежского районов Адыгеи, а также в местах компактного проживания этнических адыгов - Успенском и Лазаревском районах Краснодарского края. Выборочная совокупность в 600 человек, полученная методом случайного отбора, обеспечивает статистическое отклонение $\pm 5\%$. Для предварительной оценки были использованы таблицы больших чисел и формулы, гарантирующие достоверный результат (см., к примеру, [1]).

Первой трудностью, с которой мы столкнулись в процессе работы, явилось определение понятия "историческое сознание" в контексте исследуемой темы. Очевидно, что оценка людьми Кавказской войны заметно разнится в зависимости от этнопринадлежности. Поэтому пришлось искать "компромиссные" варианты исследования. Оно было осуществлено в два этапа. На первом этапе опрос проходил по единой для всех респондентов (безотносительно к национальности) анкете, которую условно можно назвать "общей". На втором этапе определялись доминирующие мнения внутри каждой этнической группы по специально разработанным анкетам. Так были получены результаты, отражающие и общесоциальную, и этносоциальную типичность. Сопоставление реальных содержаний исторического и этнонационального сознаний стало предметом нашего внимания.

Методологически существенным явился подход, согласно которому понимание социальной реальности формируется в историческом сознании посредством онтологизации и аксиологизации субъективных значений и смыслов. Интерсубъективность социальных представлений составляет ядро исторического сознания. Совокупная "повседневная" духовная деятельность поколений использует не только открытую и доступную информацию, но и латентные источники, такие как семейные предания и легенды, рассказы, народные песни, официальную и неофициальную топонимику. Все это мы стремились учесть. Вопросы анкет воспроизвели в логико-семантической форме основные факты, связанные с Кавказской войной и ее последствиями.

Несмотря на то что при анкетировании подчеркивался сугубо научный характер исследовательской работы, а предлагаемые вопросы были сформулированы предельно уважительно и корректно, весьма значительная часть респондентов (преимущественно русские, украинцы, порой и адыги) выражала сомнение в политической целесообразности "ворошения прошлого", чреватого якобы оживлением межнациональной напряженности.

Анализ полученного материала показал, что во всех этнических и социальных группах интерес к Кавказской войне довольно высок - его проявили более половины от общего числа опрошенных. Он объясним для массового исторического сознания: Ведь "в ходе военных действий горцы изгонялись с плодородных земель, вытеснялись в неудобные горные проходы, участились грабежи, набеги, захват земельных участков и имущества. Это длилось долгие годы, порождая национальную вражду, отзвуки которой слышны и в наши дни" [2]. Из основных мотивов повышенного интереса доминируют следующие: "...узнать подлинную историю войны", "...разобраться в причинах современных межнациональных конфликтов", "...постичь трагедию народов, участвовавших в войне".

Бесспорно, Кавказская война - исторический сюжет, тесно вплетенный в социально-политическую реальность современности, отчетливое воздействие которого на нынешнюю действительность усматривают по общей анкете около 40% респондентов; среди адыгов - 55% (23% затруднились ответить); среди русских - соответственно 30% и 50%. На просьбу сформулировать "следы" этого воздействия ответы носили как рациональную, так и эмоционально-чувственную окраску. Респонденты-адыги к их числу (в рациональном плане) Отнесли: сильное изменение демографической ситуации (уменьшение численности коренной национальности), "расщепление" и "распыление" этноса по зарубежью, сокращение ("ужимание") территории его традиционного проживания, подрыв корней национальной культуры. Многие обращали внимание на современную топонимику, указывая на русские переименования большинства бывших адыгских поселений, что исторически, дескать, несправедливо. Отмечалась также "неправильная современная национальная политика по отношению к шапсугам"¹. Эмоциональная же реакция имела в виду прежде всего духовную дисгармонию как "отпечаток" нашествия полуторавековой давности и вызванное им неприязненное отношение к русскому населению. По существу аналогичные последствия приводились и респондентами-русскими.

Добрая половина русских, охваченных опросом, назвала Кавказскую войну агрессивной, полагая все же при этом, что она "позволила народам Северного Кавказа приобщиться к цивилизации". Вместе с тем другая половина посчитала ее во всех отношениях несправедливой, "поскольку привела к геноциду адыгов - черкесов". Как видим, респонденты-русские в своих ответах обнаружили известную объективность. И все-таки "комплекс виновности" вызывает потребность в оправдании насильственной колонизации горского населения. Отметим тут же, 40% из них убеждены, что некоторые отголоски войны можно "смягчить" посредством издания книг, учебников, освещающих историческую правду. Такого взгляда придерживается и почти 1/3 коренных жителей. Отчетливое расхождение между адыгами и русскими зафиксировано по поводу возможного осуждающего признания на уровне ООН и федеральных органов страны геноцида горцев в XIX столетии. (С подобной идеей выступили отдельные общественно-политические деятели Адыгеи.) 29% адыгов верят тому, что это будет способствовать ослаблению многих нынешних ассоциаций с самодержавием, тогда как лишь 6% русских согласны с такой позицией. Надо полагать, официальную констатацию данного факта трудно принять русскому национальному сознанию, которое теперь и без того испытывает "перегрузки".

Каждый пятый русский более всего опасается "возникновения ситуации, при которой станет невозможным дальнейшее проживание в Адыгее", каждый же седьмой адыг - "расширения казачьего экстремизма". Намечившаяся тенденция обоюдных опасений может отрицательно повлиять на этносоциальную обстановку в регионе. Жизнь свидетельствует, что рост взаимного недоверия становится катализатором обострения межнациональных отношений, приводит подчас к актам политического безрассудства, включая вооруженный экстремизм, которые в свою очередь вызывают цепную реакцию вынужденных ответных действий, предпринимаемых национальной группой, подвергшейся агрессивному давлению. Практически в любом таком столкновении обе враждующие стороны уверяют, что они защищаются, а не нападают. Специалисты по национальным отношениям это хорошо знают. Вот что пишут члены коллектива

¹Шапсуги — часть адыгов, в прошлом одно из адыгейских (черкасских) племен.

авторов международного проекта "Разрешение этнических конфликтов на территории бывшего Советского Союза" Б. Аллин и С. Вилкинсон: "Большинство насилия на межнациональной почве оправдывается его участниками необходимостью принятия защитных мер, а не желанием произвести нападение" [3]. Любое насилие способно обернуться резким ухудшением атмосферы многонационального общежития. Результаты в этом случае непредсказуемы.

Намечающуюся тенденцию взаимоопасений возможно устранить посредством беспристрастного выявления этнонациональных интересов, их канализации республиканскими государственными органами и удовлетворения на базе компромисса. Доверие национальных групп друг к другу (там, где оно подорвано) важно восстанавливать путем поддержания (институализации и упорядочения) постоянного, непрерывающегося межэтнического диалога (полилога) по общим и острым для жителей региона проблемам, в том числе и таким, которые порождены, казалось бы, давно минувшими днями. Не столь отдаленный наш перестроечный опыт убеждает, что широкие научно-теоретические и политические дискуссии, касающиеся всестороннего осмысления прошлого (большевистского переворота, сталинизма, "хрущевщины" и др.), в значительной степени снизили нужду общественности в такой информации, предоставив историко-научную и историко-политическую тематику ученым. (А вот сколько-нибудь серьезного обсуждения социально-исторического наследия Кавказской войны, к сожалению, не было, отчего спрос исторического сознания остается неудовлетворенным.)

Проведенное исследование позволило определить блок проблем, связанных с уровнем собственно исторического знания у людей, историко-познавательными параметрами, характеризующими историческое сознание. На вопрос: "Известно ли Вам что-либо о Кавказской войне?" 84% всех респондентов ответили утвердительно (среди адыгов эта цифра выше - 95%). Основными источниками сведений, согласно ответам, послужили учебники истории и беллетристические произведения. Излишне подчеркивать, что учебные пособия, изданные в советское время, неадекватно отображают ее причины, ход и итоги в силу односторонне идеологической заданности, а художественная литература есть лишь дополнение, иллюстрация, но не источник объективной картины. Словом, назрела необходимость обобщающего фундаментального научного исследования Кавказской войны и издания на его основе учебника. Это мнение высказывали эксперты (ученые-гуманитарии, представители административно-управленческого аппарата, деятели культуры). Надо также опубликовать в полном объеме все документы, имеющие отношение к прошлому веку, и сделать таковые доступными широким слоям населения.

Направленная историко-просветительская работа представляется сегодня чрезвычайно актуальной задачей. Ведь неполнота и бессистемность свидетельств может содействовать формированию социальных мифов, одним из которых предстает, например, убеждение части казачества в том, что их предки пришли на "вольные земли" и что будто бы именно горцы впоследствии спровоцировали войну. Отсутствие неподцензурных, исторически выверенных трудов приводит к укоренению политико-мифологических аргументов в ущерб научным. И неспроста, отвечая на вопрос общей анкеты: "Кто всего более причастен к развязыванию Кавказской войны?", 46% опрошенных обвинили Россию, 31% - Турцию, 8% - местных феодалов. Налицо явная неоднозначность суждений, обусловленная главным образом как раз вышеизложенными обстоятельствами. То же самое, пожалуй, можно сказать и относительно ответов, определяющих причину массового махаджирства (эмиграции) горцев, вызванной Кавказской войной). Ею названы колониальная политика России (65%), политика османской Турции (20%), политика горской феодально-княжеской элиты (8%).

Национально стратифицированное общество неизбежно вырабатывает этнические, иногда существенно отличающиеся друг от друга "народные" модели интерпретации прошлого. Они отмечены инерционностью, этноцентризмом, эмоциональной окрашенностью и, занимая прочное место в массовом сознании, стимулируют мышление по аналогии, то есть пытаются объяснить современные проблемы с "методологических" позиций концептуальной и мировоззренческой архаики, что, к слову, не мешает им уживаться с адекватными оценками истории. Зачастую народно-историческая память, как и плоды историко-научных изысканий, становятся аргументами текущей политико-идеологической полемики, ангажируются различными политическими направлениями.

Соккрытие правды о трагическом для горцев прошлом или нежелание знать ее крайне негативно сказывается на межнациональном согласии.

Дело в том, что горской ментальности свойственна особая этика регулирования пост-

конфликтных взаимоотношений, в частности, предполагающая четкое определение предшествующих конфликту позиций сторон, его подспудных пружин, подробностей развития. И такой подход максимально щадит достоинство участвующих в противостоянии сторон. Неурегулирование постконфликтного синдрома в течение жизни множества поколений имеет своим закономерным следствием устойчивое недоверие к федеральному центру, который воспринимается этническими меньшинствами как "русская власть". В условиях кризиса легитимности власти оно усугубляет трудности модернизационного общественного процесса, препятствует надэтнической самоидентификации, способствует борьбе и циркуляции элит, стратифицированных по национальному признаку, делает для этнического самосознания слабопроницаемыми границы антитезы "мы - они" и в целом ведет к взаимному этническому отчуждению.

Общая ситуация осложняется и тем, что почти на всем протяжении существования российского государства этнические меньшинства находились в зависимом положении. У жителей "национальных окраин" сформировался соответствующий образ России - метрополии, которая неоднократно использовала силовые способы преодоления проблем (Кавказская война, депортация ряда народов в 1943-44 гг., теperешняя бойня в Чеченской республике) и вряд ли готова к равноправному непредвзятому диалогу. Неслучайно симпатизирующие Джохару Дудаеву горцы интерпретируют развернувшиеся на территории Чечни боевые операции как "вторую кавказскую войну", реконструируя тем самым в памяти экспансионистскую логику царизма и отождествляя ее с современной политикой Москвы на Северном Кавказе. Само появление в публичной риторике дудаевцев понятий типа "национально-освободительная война", "борьба за независимость" продиктовано не только и, может быть, не столько классическими мотивами сепаратизма, сколько неспособностью Кремля наглядно продемонстрировать принципиальное отличие (если оно существует) своих политических методов от имперских.

Вот почему ныне так настоятельно требуется подвести прочный морально-нравственный фундамент под отношения с коренными народами Северного Кавказа (и не в последнюю очередь правильно расставить акценты в толковании исторических событий), что непременно поднимет авторитет федеральных властных структур, посеет плодотворные семена доверия горцев к ним. В противном случае настороженность, предубеждения, негативные клише ("империя", "шовинистическая политика" и т.п.) будут еще долго сохраняться, нагнетая социальную напряженность и конфликтность.

В сложившихся условиях значительно повышается ответственность интеллигенции. Ее готовность и способность к цивилизованному обмену мнениями, научная и профессиональная добросовестность, умение находить и реализовывать перспективные политические решения, стремление соблюдать "правила демократической игры" должны стать примером для остальных социальных групп и одновременно залогом межнационального благополучия и согласия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методика и техника статистической обработки и первичной социологической информации. М., 1986.
2. Национальная доктрина в России (проблемы и приоритеты). М., 1994. С. 300.
3. Независимая газета. 15.04.94 г.